Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://nabokovvladimir.ru/ Приятного чтения!

Вдохновение. Владимир Владимирович Набоков

Творческое осознание, оживление или порыв, особенно как они проявляются в высоких художественных достижениях.
Webster, Second Ed., unabridged, 1957

Восторженность, которая увлекает (entraine) поэтов. Также физиологический термин (insufflation): «…волки и собаки воют только по вдохновению; в этом легко убедиться, принудив маленькую собачку завыть вблизи вашего лица (Бюффон).»
Littre, ed. integrale, 1963

Восторженность, сосредоточенье и необычайное проявление умственных сил.
Даль, исправленное изд., Ст. – Петербург, 1904

Творческий подъем. [Примеры:] Вдохновенный поэт. Вдохновенный социалистический труд.
Ожегов, «Словарь русского языка», Москва, 1960

Специальное исследование, проводить которого я не собираюсь, вероятно, показало бы, что в наши дни вдохновение редко обсуждается даже худшими критиками нашей лучшей прозы. Я говорю «нашей», потому что думаю об американской художественной литературе, включающей и мои сочинения. Похоже, такая сдержанность как-то связана с чувством приличия. Конформистам мнится, что разговоры о «вдохновении» столь же безвкусны и старомодны, как проповедь «башни из слоновой кости». И все же вдохновение существует, как существуют башни и бивни.

Можно выделить несколько типов вдохновения, переходящих один в другой, как и все в этом нашем текучем и занимательном мире, и все же не без изящества поддающихся подобию классификации. Приуготовительное мреяние, не лишенное сходства с некой благодатной разновидностью ауры, предваряющей эпилептический припадок, – вот явление, которое художник научается воспринимать в самом начале своей жизни. Это ощущение щекотной благодати ветвится, пронизывая его, словно красные с синим прожилки на изображении освежеванного человека в статье «Кровообращение». Распространяясь, оно изгоняет всякое осознание телесного неустройства – от юношеской зубной боли до старческой невралгии. Красота его в том, что, будучи явственно различимым (как если б оно было связано с известной железой или вело к ожидаемой кульминации), оно не имеет ни источника, ни цели. Оно расширяется, разгорается и стихает, не приоткрыв своей тайны. А между тем распахивается окно, задувает утренний ветерок, зудит каждый обнаженный нерв. Но вот все исчезает, возвращаются привычные заботы, дуга боли вновь прорисовывается на лбу; однако художник знает, что он готов.

Проходит несколько дней. Следующая стадия вдохновения есть нечто пылко предвкушаемое – и теперь уже не анонимное. И в самом деле, очерк нового приступа столь определенен, что мне придется оставить метафоры и прибегнуть к конкретной терминологии. Рассказчик предчувствует, что ему предстоит рассказать. Предчувствие мы можем определить как мгновенное видение, обращающееся в стремительную речь. Если бы существовал прибор, способный отобразить это редкостное, упоительное явление, зрительная составляющая представилась бы нам переливчатым блеском точных деталей, а речевая – чехардой сливающихся слов. Опытный автор тут же их и записывает, и делая это, преобразует то, что было ненамного большим мутного мелькания медленно проступающего смысла, в эпитеты и в построение фраз, приобретающих те же ясность и четкость, какие свойственны им на печатной странице:

Море, бьющее и отступающее с шелестом гальки, Гуан и прелестная молодая блудница – какое имя ему назвали, Адора? кто она – итальянка, румынка, ирландка? – уснувшая у него на коленях, накрытая его оперным плащом, свеча, чадящая в цинковой плошке на подоконнике рядом с обернутым в бумагу букетом длинностебельных роз, его цилиндр на каменном полу, рядом с лунным пятном, – все это в углу обветшалого, некогда походившего на дворец веселого дома, Виллы Венус, на скалистом берегу Средиземного моря, за приотворенной дверью виднеется нечто схожее с освещенной луной галереей, на деле же – полуразрушенная гостиная с обвалившейся наружной стеной, за огромным проломом которой уныло ухает и уходит, клацая мокрой галькой, голое море, будто вздохи разлученного с временем

пространства.

Это я набросал как-то утром, в самом конце 1965 года, месяца за два до того, как началось теченье романа. То, что я здесь привел, это его первый спазм, странное ядро книги, которой предстояло нарастать вкруг него в ходе трех последующих лет. Большая часть разросшейся ткани явственно отличается окраской и освещением от этой предугаданной сцены, чья структурная центральность, однако же, подчеркнута, со своего рода приятной опрятностью, тем, что ныне она существует в виде вставной сцены, помещенной в самую середину романа (вначале получившего название «Вилла Венус», затем «Вины», затем «Страсть» и наконец «Ада»).

Возвращаясь к описанию более общего свойства, видишь, как вдохновение сопровождает автора в его настоящей работе над новой книгой. Оно сопровождает его (ибо теперь с нами рядом несозревшая муза) последовательными вспышками, к которым автор привыкает настолько, что внезапный отказ домашнего освещения способен поразить его как дело измены.

Один и тот же человек может сочинять куски одного и того же рассказа или поэмы в голове или на бумаге, с карандашом или пером в руке (мне говорили, что существуют фантастические исполнители, которые прямо так и отстукивают на машинке законченный продукт или, что еще невероятнее, диктуют его, тепленького, пускающего пузыри, машинистке или машине!). Некоторые предпочитают ванну кабинету или постель продуваемой ветром вересковой пустоши, место значит не много, отношения между мозгом и рукой – вот что создает странные трудности. Как говорит где-то Джон Шейд: «И к слову, я понять не в состоянье, как родились два способа писанья в машинке этой чудной: способ А, когда трудится только голова, – слова плывут, поэт их судит строго и в третий раз все ту же мылит ногу; и способ Б: бумага, кабинет и чинно водит перышком поэт. Тут пальцы строчку лепят, бой абстрактный конкретным претворяя: шар закатный вымарывая, и в строки узду впрягая отлученную звезду; и наконец выводят строчку эту тропой чернильной к робкому рассвету. Но способ А – агония! горит висок под каской боли, а внутри отбойным молотком шурует муза, и, как ни напрягайся, сей обузы избыть нельзя, а бедный автомат все чистит зубы (пятый раз подряд) иль на угол спешит купить журнал, который уж три дня как прочитал. Так в чем же дело? В том, что без пера на три руки положена игра… Иль вглубь идет процесс, коль нету с нами опоры лжи и фальши, пьедестала пиит – стола? Ведь сколько раз, бывало, устав черкать, я выходил из дома, и скоро слово нужное, влекомо ко мне немой командою, стремглав слетало с ветки прямо на рукав».

Да, конечно, тут и вступает в игру вдохновение. Из слов, которые я, за пятьдесят примерно лет сочинительства, по разным причинам соединял, а после отбрасывал, к нынешнему времени можно было б составить в Царстве Отверженных (туманная, но в целом не столь уж и невероятная страна к северу ниоткуда) гигантскую библиотеку вымаранных фраз, лишь с одной отличающей и объединяющей их чертой – ожиданием милости вдохновения.

Не диво, стало быть, если писатель, который не боится признаться, что знавал вдохновение, и способен легко отличить его от пустой пены припадка, как и от избитого утешения «нужным словом», ищет яркий след этой услады в произведениях собратьев. Молния вдохновения поражает всегда одинаково: ты замечаешь отблеск ее в том или этом отрывке великого текста, будь то строки утонченной поэзии, или пассаж Джойса либо Толстого, или фраза в рассказе, или прилив гениальности в работе натуралиста, литературоведа – даже в статье рецензента. Естественно, я имею в виду не всем нам знакомых безнадежных бумагомарак, но своеобразных творцов-художников, таких как Триллинг{1} (чьи критические воззрения мне безразличны) или Тербер{2} (например, в «Голосах революции»: «Искусство не спешит на баррикады»).

В последние годы множество издателей имеют удовольствие присылать мне свои антологии – в сущности, это возвращающиеся домой почтовые голуби, ибо каждая содержит образчик творчества их получателя. Из тридцати с чем-то сборников одни щеголяют претенциозными ярлыками («Предания нашего времени» или «Мотивы и мишени»), другие представляются более сдержанно («Великие рассказы»), а уведомления на их обложках обещают читателю встречу со сборщиками клюквы и простыми работягами; но почти в каждом из них присутствует по меньшей мере два-три первоклассных рассказа.

Старость осмотрительна, но забывчива, и, чтобы не затягивать выбор того, что

можно бы перечитать в ночь орфической жажды, а что отвергнуть навек, я старательно выставляю против того или иного участника антологии пятерки, тройки и двойки с минусом. Обилие высших оценок всякий раз укрепляет мою счастливую веру в то, что в наше время (последние, скажем, пятьдесят лет) величайшие рассказы пишутся не в Англии, не в России и, уж конечно, не во Франции, но в нашей стране.

Примеры суть витражные окна знания. Из малого числа отмеченных пятеркой рассказов я выбрал полдюжины особых моих любимцев. Ниже я привожу их названия, кратко цитируя в скобках то место – или одно из тех мест, – в которых ясно явлено подлинное озарение, сколь бы тривиальной ни представлялась вдохновенная деталь скучному критикунчику.

Джон Чивер, «Пригородный муж» («С растерзанной фетровой шляпой в зубах Юпитер [черный ретривер] рванулся через гряды помидоров»[1]. Рассказ представляет собою, в сущности, маленький роман, так прекрасно построенный, что ощущение некоторого переизбытка событий в нем вполне умеряется утешительной связью его тематических переплетений).

Джон Апдайк, «Никогда я не был счастливей» («Всего важнее была не тема, а сам разговор, быстрые согласия, медленные кивки, приливы разных воспоминаний; он походил на панамскую корзинку, формирующуюся под водой вокруг никчемного камня». Я люблю столько рассказов Апдайка, что выбрать для предъявления один мне даже труднее, чем отыскать в нем наиболее вдохновенное место).

Дж. Д. Сэлинджер, «Хорошо ловится рыбка-бананка» («По дороге она остановилась, брыкнула ножкой мокрый, развалившийся песчаный дворец…»[2] Это великий рассказ, слишком известный и хрупкий, чтобы отдать его здесь для промеров случайному конхиометристу{3}).

Герберт Голд{4}, «Смерть в Майями-Бич» («И наконец мы умираем, с нашими противостоящими большими пальцами и со всем остальным». Или чтобы в еще большей мере воздать должное этому чудесному произведению: «Барбадосские черепахи размером с ребенка… распятые, точно разбойники… с грубой кожей, которой не скрыть их теперешней беспомощности и муки»).

Джон Барт, «Потерявшийся в балагане» («В чем суть рассказа? Амброз болен. Он потеет в темных проходах, леденцовое яблочко на палочке, смотреть приятно, есть не интересно. В балаганах нужно устроить уборные, мужские и женские, через равные интервалы». Мне пришлось постараться, чтобы выискать нужное среди обаятельных, пестрых, стремительных образов).

Делмор Шварц{5}, «Ответственность рождается во сне» («…и роковой, безжалостный и страстный океан». При том что в этом рассказе, так волшебно смешивающем старый фильм с личным прошлым, присутствует несколько других райских вибраций, приведенная фраза заслуживает цитирования первой благодаря ее силе и безупречному ритму).

Должен добавить, что я был бы очень доволен, если б профессор литературы испытал своих студентов в начале или при завершении терма, попросив их написать по работе, в которой обсуждались бы нижеследующие вопросы:

1. Чем так хороши эти шесть рассказов? (Воздержаться от упоминания «убеждений», «экологии», «реализма», «символов» и тому подобного.)

2. Какие еще места в них несут печать вдохновения?

3. Каким в точности способом принуждали ту бедную левретку завыть в тех, с кружевными манжетами, руках, в такой близи от пудреного парика?

Перевод С. Ильина

Комментарии
Статья опубликована 6 января 1973 г. в журнале «Saturday Review of the Arts». Включена также в «Strong Opinions» с авторской пометкой: «Написано для „Saturday Review“ 20 ноября 1972 г.»

1. Триллинг, Лайонел (1905–1975) – американский социальный и литературный

критик, профессор Колумбийского университета, писатель.

2. Тербер, Джеймс Г. (1894–1961) – выдающийся американский писатель-юморист и карикатурист. Долгое время работал в журнале «New Yorker».

3. конхиометрист – от конхиометра – инструмента для измерения раковин и углов их спиралей.

4. Голд, Герберт (р. 1924) – американский писатель-романист, сын эмигранта из России.

5. Шварц, Делмор (1913–1966) – американский писатель, поэт, критик.

С. Ильин, А. Люксембург

Примечания
1 Перевод О. Сороки.

2 Перевод Р. Райт-Ковалевой.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://nabokovvladimir.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!